

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-862-878
EDN: WPEGTG

Научная статья / Research article

Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции

Б.И. Ананьев

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

✉ ananyevboris92@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено поиску ответа на вопрос, могут ли методологические решения и исследовательский инструментарий конструктивистов-международников представлять ценность для изучения санкционной проблематики в ее текущем виде. Развивая логику рассуждений, намеченную в предыдущей работе «Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации», автор продолжает оценку объяснительного потенциала ведущих классических школ теории международных отношений применительно к экономическим мерам дискриминационного характера, инициированным в одностороннем порядке без участия Совета Безопасности ООН. При тестировании возможностей конструктивизма («третьего пути»), автор обращает внимание на систематические сбои, возникающие при попытках описывать санкции с позиций классической рациональности, что оставляет пространство для их анализа на основе постпозитивистского принципа интерпретативности, характерного для европейского варианта конструктивистской школы международных исследований. В качестве конкретного образца эвристически-полезного исследовательского инструмента рассматривается концепция самосбывающегося пророчества, которая активно разрабатывалась в психологии и теории принятия решений, однако не обрела должного признания непосредственно в теории международных отношений. Вместе с тем подобный взгляд на санкции, во-первых, позволяет объяснить, почему, несмотря на периодически звучащие заявления политиков о том, что санкции невыгодны всем участникам противостояния, субъективно худший сценарий продолжает претворяться в жизнь, а во-вторых, резонирует с аргументами международников-реалистов относительно природы и характера дилеммы безопасности. Автор выделяет четыре основных и одно дополнительное условие, которые в совокупности создают предпосылки для возникновения на международной арене самосбывающихся сценариев. Эти условия органично вписываются в текущую санкционную повестку, что позволяет говорить о релевантности концепции самосбывающегося пророчества как при анализе посткрымских и постфевральских санкций, так и при рассмотрении современных принципов международного общения.

© Ананьев Б.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: теория международных отношений, политическая теория, санкции, экономические санкции, конструктивизм, самосбывающееся пророчество, методология

Для цитирования: Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 862–878. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-862-878>

The Third-Way Trap? Constructivist Perception of Sanctions

Boris I. Ananyev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ ananyevboris92@gmail.com

Abstract. The study examines whether it is relevant to use constructivist research instruments in order to study the sanctions and the so-called countersanctions that were imposed on Russia and then by Russia after the events in Crimea in 2014 and February 24. I develop the arguments that were presented in the work “Sanctions in IR: Understanding, Defining, Studying” in an attempt to assess the explanatory capabilities of the three leading paradigms in IR. The question posed is: do realism, liberalism and constructivism coherently and consistently explain the nature of the fast-growing scope of sanctions that tend to be implemented without the UN Security Council’s approval? The third way (constructivist one) seems to be efficient since there are difficulties with studying sanctions from the perception of the overwhelming rationality. To be concrete, I test the concept of self-fulfilling prophecy that obtained proponents in psychology and the theory of decision-making as well but hasn’t been actively promoted in IR studies. Nevertheless, it seems to be useful to explain the sustainability of sanction’s regime, which — paradoxically — from the first glance brings no profit but harm to each party involved. Moreover, it correlates with realist scholars’ perception of IR nature (particularly, security dilemma). Finally, four basic and one extra preconditions for self-fulfilling scenarios in the international arena are outlined, applicable not just to the “sanction’s” field, but also to the current principles of cross-state interactions.

Keywords: IR theory, political theory, sanctions, economic sanctions, constructivism, self-fulfilling prophecy, methodology

For citation: Ananyev, B.I. (2023). The third-way trap? Constructivist perception of sanctions. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 862–878. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-862-878>

Введение

Данная статья — самостоятельное исследование и одновременно продолжение линии рассуждений, намеченной в работе «Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации» [Ананьев 2019]. Общая цель цикла — анализ объяснительных возможностей больших школ международно-политической мысли в отношении международной обстановки, сложившейся в результате лавинообразного распространения санкций и контрсанкций в практике современных международных отношений.

Важно отметить, что работа над материалами цикла была начата до специальной военной операции; следовательно, ряд рассуждений и выводов первой части номинально относится к дофевральской реальности. Это может вызвать обоснованное на первый взгляд замечание об их нерелевантности. Однако пристальный взгляд на постфевральскую санкционную реальность позволяет сделать два заключения.

Во-первых, политическая наука достаточно медленно реагирует на изменение международной обстановки (что, впрочем, абсолютно объяснимо: теоретическая рефлексия требует времени и, как правило, работы с так называемыми завершенными событиями). Поэтому, в отличие от ряда заслуживающих внимания практикоориентированных работ по постфевральской санкционной реальности [Тимофеев 2023b], академическое сообщество представило значительно меньшее число теоретических.

Во-вторых, внимательное знакомство с выводами, предложенными в этой и предыдущей работе, позволяет говорить о том, что при кажущихся критических внешних изменениях содержания санкционной проблематики концептуально ряд высказанных предположений не только не потерял актуальности, но и — скорее — предстал в более гротескной и наглядной форме. Особенно это касается слабых мест в объяснительном потенциале природы санкций в классической парадигмальной теории международных отношений.

И если в отношении «классических» ограничительных мер Совбеза академическое сообщество в целом занимает консолидированную позицию (эти санкции описаны, систематизированы и снабжены исследовательским инструментарием), то санкции «второго трека» по-прежнему вызывают множество вопросов. В лавинообразном потоке материалов СМИ о санкциях отдельные заслуживающие внимания работы академического характера [Кожанов, Исаев 2019; Кашин, Пятачкова, Крашенинникова 2020; Коргун, Толорая 2022; Тимофеев 2023а], на первый взгляд, менее заметны, однако именно системное изучение санкционной проблематики с позиций современной политической науки остается необходимым связующим звеном между знанием и реальностью.

В данном случае речь пойдет о «третьем пути» — конструктивизме, а конкретно о тех методологических решениях, разработанных международниками-конструктивистами, которые могут представлять ценность для дальнейшего изучения санкционной проблематики в ее текущем виде¹. Этот «третий путь», на первый взгляд, включает в себе значительный эвристический потенциал, однако прежде необходимо убедиться в том, что он не заканчивается тупиком — ловушкой иллюзорного оптимизма².

¹ Под методологическими аспектами в работе будут пониматься как наиболее широкая концептуальная рамка исследовательского взгляда — парадигма, так и совокупность исследовательских методик и инструментов, то есть методология в узком понимании данного термина.

² В свою очередь, под конструктивизмом понимается совокупность онтологических и методологических принципов и установок относительно внешней политики и международной действительности, в основе которых лежит постпозитивистский принцип интерпретативности. Таким образом, в работе будет фигурировать европейский вариант конструктивизма.

Онтология определяет мышление

Вероятно, именно так будет выглядеть созвучное с классическим марксистским тезисом утверждение относительно экспертной и научно-исследовательской работы теоретика-международника. Эта работа неотъемлемо связана с сопряжением философского и «научного» (в узком понимании науки как, прежде всего, естественных дисциплин) знания и познания. По меткому замечанию Т.А. Алексеевой, «философские основания всякой науки — это своего рода „мост“ между философским и научным знанием». Кроме того, «философские идеи <...> раскрывают эвристику научного поиска и позволяют обосновать, узаконить полученные в его процессе выводы, т.е. прояснить новые онтологии и представления о возможном методе поиска истины» [Алексеева 2017: 31].

Безусловно, при переложении осознанно допущена метафоричность: речь в данном случае идёт об общих закономерностях взаимосвязи онтологических установок в отношении системы международных отношений с применяемыми исследовательскими инструментами. Эта связь ярко проявляет себя в постпозитивистском научном мышлении, заключающем в себе идею о системообразующей роли консенсуса в построении теорий и их применении на практике. Иными словами, в условиях невозможности напрямую сопоставить те или иные научные подходы ввиду отсутствия у них однородных оснований для сравнения и, следовательно, размывания критериев достоверности в социально-гуманитарных исследованиях, истинность выводов и суждений определяется как результат согласия академического сообщества относительно того, что считать истинным. Теория международных отношений — не исключение. Например, теоретики школы политического реализма зачастую напрямую не конкурируют с коллегами-конструктивистами, как это принято представлять на уровне знакомства с дисциплиной в высшей школе, поскольку их усилия сосредоточены вокруг осмысления разнохарактерных сторон действительности. Аналогично и с действующими международными индексами: так, существование индекса демократии возможно прежде всего благодаря консенсусу большинства экспертов относительно ценностей, положенных в основу ранжирования стран. Именно на этой посылке и строятся дальнейшие рассуждения.

Ловушка третьего пути

В предыдущей работе по аналогичной проблематике [Ананьев 2019] была предпринята попытка деконструировать две доминирующие школы теории международных отношений — (нео)реализм и (нео)либерализм³

³ Безусловно, автор отдаёт себе отчет в том, что объединение настолько сложных и комплексных парадигм в два общих термина влечёт за собой неизбежное упрощение их понимания. Однако в данном случае речь идёт об исследовательском цикле, поэтому для разрешения подобных ситуаций будут использоваться отсылки в первой части. Соответственно, далее в этом тексте для обозначения реализма и неореализма, как и для либерализма и неолиберализма, а также иных вариантов данных парадигм для удобства и без критически значимых смысловых потерь будут употребляться собирательные термины «реализм» и «либерализм».

для того, чтобы определить их объяснительные возможности относительно сложившейся на сегодняшний день санкционной реальности в ее многообразии, быстром разрастании и, по большому счету, мутации. В упомянутой выше статье был сделан вывод, что ресурсы обеих парадигм ограничены в силу особенностей их внутренней логики. В упрощенном и обобщенном виде заключения звучат следующим образом: в случае либерализма ключевое противоречие состоит в ослаблении роли экономического измерения международных отношений, а также в деградации ряда режимов: таким образом, вызов брошен двум ключевым либералистским постулатам. Классический и отчасти неореализм же испытывает трудности с интерпретацией и приведением в стройную систему растущего объема санкций между государственными и негосударственными акторами. Конструктивизм, в свою очередь, было решено исключить из предметного поля исследования по следующим причинам:

- во-первых, конструктивизм — это крайне фрагментированная парадигма, своего рода зонтичный термин, употребляемый зачастую для обозначения разнородных феноменов и концепций, затрагивающих предметное поле разных субдисциплин политической науки: от политической психологии до непосредственно теории международных отношений. В результате прямое сравнение трех парадигм было бы некорректным;
- во-вторых, (этот вывод логично проистекает из первого) в отличие от реализма и либерализма конструктивизм неконсолидирован в отношении ключевых установок и выводов ведущих представителей школы, что существенно затрудняет выявление смыслового ядра парадигмы как основы для ее критического рассмотрения;
- в-третьих, объяснительные и предсказывающие возможности конструктивизма значительно ограничены. Один из отцов-основателей конструктивизма в теории международных отношений А. Вендт выражается еще более категорично, говоря о том, что «конструктивизм — не теория в чистом виде, <...>, а только инструмент анализа» [Wendt 1992: 424].

Представленные обстоятельства, однако, не свидетельствуют о том, что конструктивизм неинтересен или бесполезен для исследователей, занимающихся санкционной проблематикой; он требует отдельного внимания и особого подхода, не противоречащего вместе с тем ключевым принципам науки о международных отношениях. Именно в этом пункте, по сути, и кроется главная трудность; критика «конструктивистского» инструментария извлечения знания о санкционной действительности⁴ вписывается в более высокий контекст разногласий теоретиков международных отношений по поводу критериев истинности суждений и, как следствие, полученных на основе этих суждений выводов.

⁴ Корректнее было бы сказать «потенциальная критика», которую, скорее, еще предстоит сформулировать в консолидированном виде.

Эта тема подробно изложена и разобрана в ряде отечественных и зарубежных работ [Алексеева 2014; Checler 2008], в связи с чем имеет смысл обозначить лишь общую канву противоречий: с позиций конструктивизма, «критерий истинности увязывается не с традиционным со времен Аристотеля критерием соответствия суждения действительному порядку вещей, а с полезностью суждения для субъекта политики» [Конышев, Сергунин, Субботин 2016: 97]. Проще говоря, аргументы против конструктивизма как метода (по всей видимости, аналогичное верно и в отношении вопросов изучения санкций), допускающая известную степень условности, можно сравнить с аргументами против эффекта плацебо. Отвергаемый официальной медициной и даже законодательно запрещенный в ряде стран метод плацебо довольно точно описывается фразой «этого нет, но это может сработать». Правомерно считать, что в данном случае, рассуждая о теоретико-методологических основаниях изучения санкций, имеет смысл принять конструктивистский постулат о полезности суждений и выводов, прежде всего потому, что системное осмысление, изучение и тестирование ряда потенциально значимых конструктивистских наработок применительно к науке о международных отношениях попросту не проводилось. Более радикально по форме, но аналогично по содержанию эту мысль о «методологической дискриминации» выразил Пол Файерабенд: «Когда ученый претендует на монопольное обладание единственно приемлемыми методами знания, это свидетельствует не только о его самомнении, но и о его невежестве» [Фейерабенд 2007: 26]. Если все же отвлечься от эпатажности и несколько чрезмерной категоричности Файерабенда, то можно констатировать, что в сегодняшней теории международных отношений наблюдается очевидный запрос на приток в дисциплину свежих идей и ходов мысли, вызванный не в последнюю очередь кризисом сложившейся системы методов исследований. В поисках решения этой задачи ученые-международники все чаще обращаются к кросс-дисциплинарным работам, и здесь конструктивизм может проявить себя с лучшей стороны, поскольку именно эта школа мысли известна своей методологической конвергенцией, в частности недавней попыткой выстроить так называемый «квантовый подход» к международным отношениям [Алексеева и др. 2016; Алексеева и др. 2018].

В данном случае из всего многообразия конструктивистских построений для международников, занимающихся санкционной проблематикой, предлагаем рассмотреть концепцию самосбывающегося пророчества.

Санкции как самосбывающееся пророчество

Выдающийся социолог и теоретик науки Роберт Мертон известен в первую очередь как создатель концепции «теорий среднего уровня» — важнейшей методологической составляющей современных социально-гуманитарных дисциплин, изложенной в классической работе «Социальная теория и социальная структура». Однако помимо обозначенной ключевой идеи работа содержит описание такого потенциально полезного феномена, как самосбывающиеся

пророчества⁵. Мертон определяет самосбывающееся пророчество как «изначально неверную оценку ситуации, которая влечет за собой поведение, приводящее к тому, что изначально ложное представление становится истинным» [Merton 1968: 477]. Таким образом, мы имеем дело с конструктивистской по своей сути концепцией, включающей такие ключевые для парадигмы элементы, как (интер)субъективность, релятивизм и динамизм. В качестве предмета научно-исследовательской работы самосбывающиеся пророчества нашли свое место, прежде всего, в социологии и психологии, однако в анализе международных отношений сложилась иная ситуация. Даже упоминания самосбывающихся пророчеств представителями дисциплины имеют единичный характер. Например, в материалах Валдайского клуба⁶ можно обнаружить заметку Владимира Петровского «Российско-китайский альянс — самоисполняющееся пророчество США», в которой автор использует эту метафору в ее оригинальном значении, говоря о потенциальном российско-китайском антисанкционном (что интересно и показательно!) альянсе⁷. Системные же попытки ученых-международников применить концепцию встречаются еще реже и смещены, скорее, в плоскость теории принятия решений.

Очевидным и выгодным исключением на этом фоне является работа Дэвида Патрика Хьютона «Роль самосбывающихся и самоотрицающих (self-negating) пророчеств в международных отношениях» [Houghton 2009], которая будет использована как основа для дискуссии.

Но прежде чем переходить непосредственно к самой дискуссии, вернемся к разделу II и попытаемся ответить на вопрос *почему?* Почему изначально сложную для применения и верификации концепцию имеет смысл рассматривать теоретикам, занятым изучением санкций. В самом общем виде ответ будет связан с систематическими сбоями, возникающими при исследовании санкционной проблематики с позиций классической всеобъемлющей рациональности. Уже 20 лет назад, в 1999 г., Даниел Дрезнер в «Парадоксе санкций» [Drezner 1999] обратил внимание на то, что наращивание экономического давления на политических оппонентов не дает гарантий желаемых результатов: вопреки логике рациональности режим под санкционным давлением может мобилизоваться и консолидироваться, а не пойти на уступки, так что «прилагаемые усилия окажутся непропорциональны полученным результатам» [Тимофеев 2018: 56]. В 2018 г., взяв за основу иранский кейс, И.Н. Тимофеев убедительно проиллюстрировал гипотезу Дрезнера: «Иран долгое время нес потери от санкций. Но при этом не садился за стол переговоров, ведя политику адаптации

⁵ В действительности идея самосбывающихся пророчеств описывается Мертоном в более ранней самостоятельной работе, однако классической стала именно «Социальная теория и социальная структура».

⁶ Строго говоря, материалы Валдайского клуба жанрово часто приближены к аналитическим запискам либо т.н. «Policy paper», однако в данном случае это не имеет принципиального значения.

⁷ Петровский В. Российско-китайский альянс — самоисполняющееся пророчество США? URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-kitayskiy-alyans/> (дата обращения: 10.05.2023).

к санкциям» [Тимофеев 2018: 69]. К сказанному можно добавить, что в пользу целесообразности конструктивистского инструментария говорят и смежные исследования⁸, свидетельствующие о росте объема «когнитивных патологий»⁹ [Jervis 1976: 76–78], то есть ситуаций, противоречащих логике всеобъемлющей рациональности.

После ответа на вопрос *почему?* логично следует вопрос *как?* Как концепция самосбывающихся пророчеств может помочь в понимании текущего состояния санкционной повестки и, возможно, ее перспектив? Начать стоит с приведенной выше формулировки Мертона [Merton 1968: 477]. Приняв ее за рабочую, мы рискуем тут же попасть под огонь критики: за исключением случаев грубых и потому очевидных управленческих ошибок как определить (и возможно ли это в принципе), что лица, ответственные за выработку и принятие внешнеполитических решений в той или иной стране, оценивают ту или иную ситуацию на международной арене *изначально неверно* (то есть как адаптировать мертовское понимание «неверной оценки» к внешней политике)?

Для того чтобы выйти из этого полемического тупика, имеет смысл сделать шаг назад и обратить внимание на то, что в своих рассуждениях Мертон опирается на так называемую теорему Томаса, сформулированную следующим образом: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям» [Thomas, Thomas 1928: 571–572]. В подобном виде теорема резонирует с утверждением профессора кафедры политологии Университета Бристоля Ричарда Литла. На международной арене нередко случаются ситуации, в которых возникают самосбывающиеся пророчества: это происходит в тех случаях, когда внешнеполитический истеблишмент исходит из предпосылки о враждебности окружающего мира и — как следствие — выбирает такую стратегию поведения, которая лишь укрепляет данную предпосылку [Booth, Smith 1995]. Неудивительно, что Александр Вендт и Джон Васкес отмечают, что самосбывающиеся пророчества в качестве идейной составляющей включены в построения международников-реалистов [Vasquez 1999; Wendt 1999].

Одна из ключевых концепций реализма — дилемма безопасности — сформулирована вполне в конструктивистском духе: непредсказуемость поведения игроков на международной арене приводит к тому, что последние стремятся нарастить собственную мощь с целью обезопасить себя от потенциальной агрессии извне. Подобная политика ведет к росту недоверия других участников международных отношений и заставляет их готовиться к худшему. Как следствие, образуется порочный круг из обеспечения безопасности и накопления силы [Herz 1950: 157]. Эту особенность, в частности, выделяет Рэнделл Швеллер, говоря о том, что дилемма безопасности — это несуществующий

⁸ Например, работы Д. Канемана.

⁹ В классической работе «Восприятие и ошибки восприятия в мировой политике» Роберт Джервис неоднократно подчеркивает тот факт, что самосбывающиеся пророчества представляют собой когнитивные патологии. См.: [Jervis 1976].

конструкт, относящийся к сфере идеологии [Schweller 1996: 117]. С учетом того что проблематика безопасности в ее классическом виде на сегодняшний день находится в числе приоритетных, — данный тезис звучит особенно актуально.

Таким образом, на международной арене присутствует ряд явлений и ситуаций, которые эксперты склонны рассматривать через призму самосбывающихся сценариев. Помимо упомянутой выше дилеммы безопасности Хьютон в качестве подобного рода построений приводит теорию демократического мира, а также «Столкновение цивилизаций» Хантингтона.

Я полагаю, что самосбывающееся пророчество на международной арене может иметь место в тех случаях, когда:

- 1) лица, ответственные за выработку и принятие внешнеполитических решений, действуют в условиях неопределенности;
- 2) существующие механизмы и нормы межгосударственного взаимодействия находятся в состоянии трансформации и/или пересмотра;
- 3) при реализации внешнеполитического курса существует очевидная и осознаваемая дифференциация между лучшим, оптимальным и худшим сценариями развития ситуации;
- 4) худший сценарий является результатом осознанного выбора/политической воли лиц, принимающих внешнеполитические решения.

Разберем каждый из этих пунктов подробнее.

Что касается первого условия, проведение внешней политики в контексте неопределенности не является откровением — было бы достаточно наивно приписывать это состояние исключительно текущему моменту. Речь в данном случае идет о том, что ее характер претерпевает изменения. В рамках профильной одноименной конференции «Международная неопределенность — 2018» прозвучал точный и — как показало время — подтвердившийся диагноз: «неопределенность, неуправляемость и непредсказуемость стали определяющими свойствами современного мирового развития. Международная политика становится все более иррациональной»¹⁰. Кроме того, уже сам факт появления подобных мероприятий, их представительный характер и повышенный интерес со стороны международных партнеров говорят о том, что вопрос действительно находится в фокусе внимания экспертного и академического сообществ. Возвращаясь к тезису о меняющемся характере неопределенности, ключевой ее составляющей является иррационализация мировой политики. Если биполярная неопределенность — это преимущественно неопределенность рациональная [Монаган 2015], проистекающая из осознания «отсутствия возможности войны и последующей капитализации ее исхода» [Косолапов 2008: 20], то неопределенность образца сегодняшнего дня, скорее, только формирует такие контуры. Очевидно, что расширение санкционных режимов и взаимных ограничительных мер, которые,

¹⁰ Конференция «Международная неопределенность — 2018» [Konferentsiya “Mezhdunarodnaya neopredelennost” — 2018”]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/konferentsiya-mezhdunarodnaya-neopredelennost-2018/> (дата обращения: 10.05.2023).

казалось бы, изначально противоречат интересам сторон, взятых по отдельности (и в этом смысле иррациональных в краткосрочной перспективе), — это часть поиска новых очертаний миропорядка. А там, где есть место системной иррациональности, — есть место и феноменам, которые она порождает. Как следствие, сценарий санкций как самосбывающегося пророчества выглядит вполне органично.

Второе условие — длительный устойчивый характер текущих норм взаимодействия государств, — подвергается повсеместному пересмотру. При этом даже умеренно-оптимистичные сценарии развития международной обстановки — например, идея о «новой нормальности» [Сушенцов 2017] — предполагают неизбежность турбулентности в больших или меньших масштабах. «Теперь все по-другому», — говорит Дэниел Дрезнер: «Созданный американцами фундамент, на котором зиждется либеральный международный порядок, находится в серьезной опасности. Представьте нынешнюю ситуацию как игру „Дженга“ — когда множество элементов убрали, а башня все еще стоит. <...> На самом деле в ней не хватает многих важных составляющих, а если приглядеться, видно, как она слегка раскачивается» [Дрезнер 2019].

Наглядным свидетельством возникновения пустот в конструкции метафорической башни международных взаимодействий является видимая невооруженным взглядом эрозия режимов. Однако сказать, что санкции разрушают режимы, — все равно что обвинить столовые приборы в наборе лишнего веса: уместно по форме, но не соответствует содержанию проблемы.

За почти 10 лет, прошедших с момента введения первых ограничительных мер против России, санкции изменили свою смысловую и инструментальную нагрузку, трансформировавшись из реакции на неприемлемое с точки зрения США внешнеполитическое поведение в повод и предлог, возникающий при очередном витке международной напряженности, апофеоз которой мы наблюдаем сегодня. Когда изначально неавтономные явления «начинают создавать для себя постоянную орбиту» [Бодрийяр 2014: 45], запускается процесс их оброста собственной онтологией. Онтология же, в свою очередь, определяет мышление. И этому мышлению могут быть не чужды соответствующие когнитивные искажения.

Таким образом — как показала проверка реальностью — самовоспроизводящееся санкционное противостояние, как и дилемма безопасности, нашло свое постоянное место в международной повестке; ограничительные и дискриминационные меры приобрели характер общеупотребительной сигнальной системы в международном общении.

Третье условие нельзя назвать уникальным: выраженная дифференциация сценариев развития международной обстановки соответствует ее кризисному состоянию и, следовательно, имеет циклический характер. При этом — что принципиально — лучший, оптимальный и худший варианты могут не соответствовать логике формализованно-количественных показателей. Изучение кризисного принятия внешнеполитических решений

показывает, что даже с учетом стабилизирующего влияния организационной культуры, фактор когнитивных особенностей, присущих лицам, принимающим решения, невозможно полностью исключить [Holsti 1967]. Это означает, что для понимания специфики подобных решений важно учитывать то, как сценарии развития ситуации интерпретируются и ранжируются лицами, ответственными за принятие внешнеполитических решений. Иными словами, даже рационально обоснованная стратегия поведения может быть на личностном уровне интерпретирована как неоптимальная для реализации (верно и обратное) — опять же гипотеза подтверждена текущей реальностью, что создает пространство возможностей для возникновения самосбывающегося пророчества.

Развивая эту линию, вернемся к дилемме безопасности, которая воспроизводит себя благодаря тому, что участники гонки вооружений в первую очередь «принимают в расчет худший сценарий и априори действуют в агрессивно-конкурентной манере» [Jervis 2011: 417] по принципу «Хочешь мира — готовься к войне». Практика показала, что параллели между этими образцами внешнеполитического поведения (санкционное и вооруженное противостояние) очевидны.

Наконец, четвертое условие непосредственно связано с идеями и нарративами, циркулирующими в риторике российской стороны и коллективно-го Запада. Несмотря на периодические заявления европейских политиков о вреде и убытках от санкций, как и в случае с дилеммой безопасности, речь идет об осознанном выборе курса «санкции — это всерьез и надолго». Классическим инструментом верификации данного тезиса является дискурсивный анализ, и именно такая работа была проделана Д.Д. Дарси и А.Н. Сталбергом [Дарси, Сталберг 2019]. Для описания общего фона поведения участников санкционного противостояния авторы нашли весьма меткое и красноречивое словосочетание «взаимное „подстегивание“», что вполне резонирует с представленной выше мыслью об осознанности в выборе нежелательного варианта развития событий. Приводимые Дарси и Сталбергом данные свидетельствуют в пользу того факта, что стороны хоть и говорят на разных санкционных языках, но при этом продолжают выносить в публичное пространство именно агрессивно-«санкционные» конфигурации будущего. Авторы оговариваются, что проведенный анализ не позволяет деконструировать мотивации, составляющие основу национальных (прежде всего академических) дискурсов, однако полученные выводы вполне позволяют проводить параллель с самовоспроизводящейся спиралью гонки вооружений. Кроме того, логика приведенных рассуждений наводит на мысль о возможности привлечь к набору объяснительных конструктов критикуемую и непростую с точки зрения верификации, но явно не бесполезную концепцию окна Овертона. Говоря метафорически, «закрытое» окно Овертона в рамках санкционного дискурса дополняет четыре представленных выше условия реализации самосбывающегося сценария.

Заключение

Тубулентность международной обстановки, резко изменившая характер международных взаимодействий после 24 февраля 2023 г., заставила академическое сообщество адаптировать устоявшийся взгляд на уже привычные элементы международных отношений. В этом смысле санкции — не исключение. Лавинообразный поток санкций, обрушившийся на Россию, казалось бы, должен был привести к обнулению предыдущих наработок на этом направлении (на первый взгляд, постфевральские санкции следует изучать с чистого листа), однако, представляется, что это не совсем так. Во-первых, теория как способ рефлексии действительности значительно медленнее реагирует на контекст; во-вторых, практика показала, что ряд выводов по санкционной проблематике, сделанных в дофевральский период, не просто не утратил актуальности, но и — напротив — получил наглядное подтверждение (наиболее яркие примеры — прогноз российско-китайского сближения как элемента самосбывающегося пророчества, а также резкое усиление значения дилеммы безопасности в ее классическом виде). В связи с этим работа по теоретическому осмыслению санкционной проблематики с опорой на предыдущие наработки была продолжена.

В данной статье автор сосредоточился на возможностях, которые предоставляет теории международных отношений изучение санкционной проблематики с позиций конструктивизма. Эта задача является частью более масштабного исследования, направленного на определение объяснительного потенциала трех ведущих школ теории международных отношений применительно к сложившейся после крымских и февральских событий практике использования дискриминационных экономических мер в качестве инструмента внешней политики.

Следует заметить, что прямое неадаптированное сопоставление этих парадигм невозможно как ввиду отсутствия очевидных общих оснований для сравнения, так и ввиду кризисного положения конструктивизма в международных исследованиях. Академическое сообщество четко фиксирует эту тенденцию, связывая ее как с неочевидным прогностическим потенциалом парадигмы [Фомин и др. 2018], так и с общим кризисным положением теоретико-методологических аспектов в теории международных отношений [Сергеев, Казанцев, Медведева 2019: 59]. Более того, непосредственно сами международники-конструктивисты в последнее время не демонстрируют высокого уровня продуктивности и притока свежих идей, поэтому для решения поставленной задачи требуется обратиться к уже разработанным ими ранее идейно-теоретическим построениям.

Вместе с тем полагаем, что конструктивистский взгляд на санкции позволил бы обогатить политико-теоретическое понимание природы санкций и их последствий с учетом обозначенной в работе «мутации» санкционной проблематики.

Поскольку попытки объяснить характер и механику современных санкций, опираясь на классическую рациональность, не дают всей полноты картины,

смещение акцентов в сторону подхода, ориентированного в большей степени на аномалии, чем на работающие закономерности, представляется вполне оправданным. В данном случае использована стержневая для европейского конструктивизма идея формирования действительности через ее описание и субъективное восприятие. Данный подход служит ответом на вопрос *почему: почему объяснительные возможности конструктивизма стоит принимать во внимание при изучении санкционной проблематики?*

Отвечая на следующий вопрос — *как* — *как можно применить эти сильные стороны конструктивизма*, — целесообразно обратить внимание на конструктивистскую по своей природе концепцию самосбывающегося пророчества, которая органично встраивается в уже существующий набор теоретических построений относительно как поведения и политики вообще, так и современных санкций.

Рассуждение о санкциях как о самосбывающихся пророчествах, во-первых, резонирует с аргументами междунаро́дников-реалистов и, во-вторых, позволяет содержательно интерпретировать идею о том, почему на первый взгляд невыгодные всем участникам санкционного противостояния правила игры носят настолько устойчивый характер и не подвергаются пересмотру. Это позволяет действовать в системе координат Александра Вендта, поставившего цель пролить свет на «онтологическую реальность интересубъективного знания» (цит. по: [Алексеева 2014: 5]), одновременно не сжигая мосты в отношении других парадигм и не замыкаясь в академическом вакууме. Вероятно, именно такую исследовательскую позицию Т.А. Алексеева удивительно метко назвала «мыслить конструктивистски» [Алексеева 2014].

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Алексеева Т.А.* Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная политика. 2014. № 5 (1 (14)). С. 4–21. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1> (14)-4-21
- Алексеева Т.А.* Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. № 8 (4). С. 30–41. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41>
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И.* «Квантовый подход» к международным отношениям: научное издание / отв. ред. Т.А. Алексеева. М.: АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2018.
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И.* Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 7–13.
- Ананьев Б.И.* Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 136–150. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>

- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2014.
- Дарси Д.Д., Сталберг А.Н. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 69–98. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-04>
- Дрезнер Д. Теперь все по-другому // Россия в глобальной политике. 2019. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Теперь-все-по-другому-20087> (дата обращения: 10.05.2023).
- Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 123–138. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10024>
- Кожанов Н.А., Исаев Л.М. Иран и санкции: опыт преодоления и влияние на социально-экономическое развитие // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 24–31. <https://doi.org/10.31857/S032150750005565-3>
- Коньшиев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 94–112.
- Коргун И.А., Толорая Г.Д. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 80–95. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07>
- Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 18. С. 15–25.
- Монаган Э. Новая «Холодная война»? Злоупотребление историей и отказ понять Россию. 2015. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novaya-holodnaya-voyna-zloupotreblenie-istoriey-i-otkaz-ponyat-rossiyu/> (дата обращения: 10.05.2023).
- Сергеев В.М., Казанцев А.А., Медведева С.М. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 56–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05>
- Сушенцов А.А. Режим санкций и новая экономическая реальность // Россия в глобальной политике. 2017. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rezhim-sanktsii-i-novaya-ekonomicheskaya-realnost-18669> (дата обращения: 10.05.2023).
- Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. 2023а. № 2. С. 103–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>
- Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023б. № 14 (1). С. 22–36. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>
- Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 56–71. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.05>
- Фейерабенд П. Против метода. М.: АСТ, 2007.
- Фомин И.В., Кокарев К.П., Ананьев Б.И., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А., Чеков А.Д. Академические практики прогнозирования в международных отношениях: методологические доминанты и нерешенные проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6 (63). С. 159–193. <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-159-193>
- Booth K., Smith S. (Eds.). *International Relations Theory Today*. Oxford: Polity, 1995
- Checler J. *Constructivism and Foreign Policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases* / ed. by Steve Smith, Amekia Hadfield and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Drezner D. *The Sanctions Paradox. Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549366>
- Herz H. *Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics*. 1950. Vol. 2, no. 2. P. 157–180. <https://doi.org/10.2307/2009187>

- Holsti O.* Cognitive dynamics and images of the enemy // *Journal of International Affairs*. 1967. Vol. 21, no. 1. Image and Reality in World Politics. P. 16–39.
- Houghton D.* The role of self-fulfilling and self-negating theories in international relations // *International Studies Review*. 2009. Vol. 11. P. 552–584. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00873.x>
- Jervis R.* Dilemmas About Security Dilemmas // *Security Studies*. 2011. No. 20. Iss. 3. P. 416–423. <https://doi.org/0.1080/09636410903133050>
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics: New Edition. Revised ed. Princeton University Press, 1976.
- Merton R.* Social Theory and Social Structure. Free Press, 1968.
- Schweller R.* Neorealism's status-quo bias: What security dilemma? // *Security Studies*. 1996. Vol. 5. P. 90–121. <https://doi.org/10.1080/09636419608429277>
- Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928.
- Vasquez J.* The Power of Power Politics: From Classical Realism to Neotraditionalism. Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491733>
- Wendt A.* Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. 1992. Vol. 46, no. 2. P. 391–425.
- Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>

References

- Alekseeva, T.A. (2014). Think like constructivist: Discovering a polyphonic world. *Comparative Politics Russia*, 5, 1(14), 4–21. (In Russian). [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)
- Alekseeva, T.A. (2017). Theory of international relations in the mirrors of “scientific pictures of the world”: What’s next? *Comparative Politics Russia*, 8(4), 30–41. (In Russian). <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41>
- Alekseeva, T.A., Mineev, A.P., Fenenko, A.V., Loshkarev, I.D., & Ananyev, B.I. (2016). Constructivism goes quantum: The approach reform. *MGIMO Review of International Relations*, 6(51), 7–13. (In Russian).
- Alekseeva, T.A., Mineev, A.P., Loshkaryov, I.D., & Ananyev, B.I. (2018). “Quantum” approach towards international relations. Moscow: Znanie-sila. (In Russian).
- Ananyev, B. (2019). Sanctions in IR: Understanding, defining, studying. *International Organisations Research Journal*, 14(3), 136–150. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>
- Baudrillard J. (2014). *The Transparency of evil*. Moscow: Dobrosvet. (In Russian). [Baudrillard, J. (1993). *The transparency of evil: Essays on extreme phenomena*. Verso.]
- Booth, K., & Smith, S. (Eds.). (1995). *International Relations Theory Today*. Oxford: Polity.
- Checler, J (2008). Constructivism and foreign policy. In S. Smith, A. Hadfield & T. Dunne (Eds.), *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases*. Oxford: Oxford University Press.
- Darsey, J., & Stulberg, A.N. (2019). Deaf ears and the U.S.-EU-Russia sanctions tangle: Contending strategic discourses and mutual emboldenment. *International Organisations Research Journal*, 14(3), 69–98. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-04>
- Drezner, D. (2019). *The sanctions paradox. Economic statecraft and international relations*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549366>
- Drezner, D. (2019). This time is different. Why U.S. foreign policy will never recover. *Russia in global affairs*. Retrieved May 10, 2023, from <https://globalaffairs.ru/number/Teper-vse-po-drugomu-20087>

- Feyerabend, P. (2007). *Against method*. Moscow: AST. (In Russian).
- Fomin, I.V., Kokarev, K.P., Ananyev, B.I., Silaev, N.Y., Sushentsov, A.A., & Chekov, A.D. (2018). Forecasting practices in academic IR: Methodological mainstream and unsolved problems. *MGIMO Review of International Relations*, 63(6), 159–193. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-159-193>
- Herz, H. (1950). Idealist internationalism and the security dilemma. *World Politics*, 2(2), 157–180. <https://doi.org/10.2307/2009187>
- Holsti, O. (1967). Cognitive dynamics and images of the enemy. *Journal of International Affairs*, 21 (1 Image and Reality in World Politics), 16–39.
- Houghton, D. (2009). The role of self-fulfilling and self-negating theories in international relations. *International Studies Review*, 11, 552–584. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00873.x>
- Jervis, R. (1976). *Perception and misperception in international politics: New edition*. Princeton University Press.
- Jervis, R. (2011). Dilemmas about security dilemmas. *Security Studies*, 20(3), 416–423. <https://doi.org/10.1080/09636410903133050>
- Kashin, V.B., Piatachkova, A.S., & Krashennnikova, L.S. (2020) Chinese economic sanctions policy: Theory and practice. *Comparative Politics Russia*, (2), 123–138. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10024>
- Konyshev, V.N., Sergunin, A.A., & Subbotin, S.V. (2016). Social constructivism on security problems. *Theories and Problems of Political Studies*, (3), 94–112. (In Russian).
- Korgun, I.A., & Toloraya, G.D. (2022). On the question of effectiveness of sanctions against DPRK. *Polis. Political Studies*, (3), 80–95. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07>
- Kosolapov, N.A. (2008). The “Red lines” and the probability of conflict with the USA. *International trends. Journal of International Relations Theory and World Politics*, 6(18), 15–25. (In Russian).
- Kozhanov, N.A., & Issaev, L.M. (2019). Iran and sanctions: Experience of overcoming and influence on socio-economic development. *Asia and Africa Today*, (7), 24–31. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750005565-3>
- Merton, R. (1968). *Social theory and social structure*. Free Press.
- Monaghan, A. (2015). ‘New cold war’? abusing history, misunderstanding Russia. Retrieved May 10, 2023, from <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novaya-holodnaya-voyna-zloupotreblenie-istoriey-i-otkaz-ponyat-rossiyu/>
- Schweller, R. (1996). Neorealism’s status-quo bias: What security dilemma? *Security Studies*, 5, 90–121. <https://doi.org/10.1080/09636419608429277>
- Sergeev, V.M., Kazancev, A.A., & Medvedeva, S.M. (2019). The crisis of constructivism and methodological problems of studying international relations *Polis. Political Studies*, (5), 56–70. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05>
- Sushentsov, A.A. (2017). Sanctions and the new reality in economics. *Russia in global affairs*. Retrieved May 10, 2023, from <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rezhim-sanktcii-i-novayaekonomicheskaya-realnost-18669>
- Thomas, W.I., & Thomas, D.S. (1928). *The child in America: Behavior problems and programs*. New York: Knopf.
- Timofeev, I.N. (2018). American sanctions against Iran: The experience of implementation and the perspectives. *Polis. Political Studies*, (4), 56–71. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.05>
- Timofeev, I.N. (2023b). How to study the policy of sanctions? The vision of empirical research. *Journal of International Analytics*, 14(1), 22–36. (In Russian). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>

- Timofeev, I.N. (2023a). Policy of sanctions in a changing world: theoretical reflection. *Polis. Political Studies*, (2), 103–119. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>
- Vasquez, J. (1999). *The power of power politics: From classical realism to neotraditionalism. Cambridge Studies in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491733>
- Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, 46(2), 391–425.
- Wendt, A. (1999). *Social theory of international politics. Cambridge studies in international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>

Сведения об авторе:

Ананьев Борис Игоревич — старший преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России (e-mail: b.i.ananyev@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0001-9880-8830)

About the author:

Boris I. Ananyev — Senior Lecturer at the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: b.i.ananyev@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0001-9880-8830)